

Ислам в современном мире

А.А. Игнатенко

«Божественное» и человеческое в исламе

Рассматриваются важнейшие проблемы мусульманской догматики и культа в контексте прошлого и настоящего, раскрываются идейные основы существующих в социальной доктрине противоречий в историческом процессе.

Понять происходящее с исламом сегодня можно, если отталкиваться от того, что ислам в своих основах – религия Божественного Откровения, абсолютно достоверного для мусульман, но обильно дополненного человеческими придумками, которые абсолютно достоверными не могут быть по определению, ибо суть человеческие.

Коран – речь Аллаха. Мусульмане верят, что их религия (вероучительные положения, обрядовые установления и т. д.) была ниспослана от Всемогущего Аллаха человеку по имени Мухаммад Ибн-Абдаллах, который был избран Аллахом (почетное имя пророка Мухаммада – *Мустафа*, т. е. Избранный), чтобы быть пророком истинного единобожия. Во время своего рода «сеансов» Откровения (*аль-Вахй* в терминологии исламского вероучения⁸⁸) Мухаммаду от Аллаха ангел Джibrил передавал *аяты* – «знамения Аллаха». Пророк их озвучивал, и они запоминались людьми – первыми мусульманами, а после смерти пророка Мухаммада были зафик-

⁸⁸ Исламские ученые (улемы – араб. *уляма*’, факихи – араб. *фукаха*’) характеризуются чрезвычайно внимательным отношением к нюансам арабского языка. В некотором отношении ислам можно представить как сложнейшую и развивающуюся систему семантем (наделяемых различными смыслами понятий, категорий, терминов), не равных самим себе, т. е. постоянно изменяющихся и, что важно, систему, погруженную в стихию арабского языка. (Рискну утверждать, что ислам – исходно арабская и даже аравийская, по названию Аравийского п-ова, религия.) Любое рассмотрение категориальной системы ислама предполагает выявление содержания и взаимосвязей арабских семантем, не совпадающих с неарабскими, например, русскими. И, строго говоря, *аль-Вахй* исламских вероучительных трактатов не в полной мере совпадает с «Откровением» русскоязычного текста, которое ассоциативно отсылает читателя к христианской догматике и тем самым не вполне точно его ориентирует, а то и дезориентирует в том отношении, что читатель наполняет незнакомые ему категории знакомым ему по прошлому интеллектуальному опыту смыслом. Поэтому любой исламоведческий текст, претендующий на научность, приходится утяжелять транслитерацией арабских терминов, что является одним из «ключей» к пониманию всей системы семантем ислама.

Так, если знать, что минимальный период сакрального коранического Текста («стих» русскоязычных текстов о Коране и исламе) называется *аят*, («знамение», эллиптическое сокращение выражения «знамение Аллаха» – *аят-Аллах*), то станет более понятной не сразу воспринимаемая русскоязычным сознанием рассматриваемая ниже идея существования у шиитов сакрального «живого Текста» – *аятолл* (ед. ч. *аятолла*, от араб. *аят-Аллах*, т. е. «знамение Аллаха»).

сированы на письме в виде Корана, который рассматривается мусульманами как сакральный Текст – речь Аллаха⁸⁹.

Человеческого времени ниспослания Откровения вполне хватило для того, чтобы людям был передан ислам – правильный, завершённый и именно такой, каким его пожелал видеть Сам Аллах. В Коране есть тому недвусмысленное свидетельство. Аллах говорит: «**Сегодня Я завершил для вас вашу религию, и закончил для вас Мою милость, и удовлетворился для вас исламом как религией**»⁹⁰. Этот аят Корана, в отличие от некоторых других, абсолютно ясен: в конкретный момент времени Аллах передал людям всё, что составляет религию ислама. И сообщил об этом «ясной арабской речью», – как сказано в самом Коране⁹¹. Это очень важный пункт: «ислам как религия» в законченном, завершённом (и совершенном⁹²) виде содержится в Коране, Богооткровенном Тексте, изложенном на арабском языке, на котором говорили арабийцы в VII веке.

Аллах сообщил в одном из аятов, что после пророка Мухаммада Откровение больше никому не будет ниспосылаться: Мухаммад, как говорится в Коране, – «печать пророков», т. е. *последний пророк*⁹³. После смерти

⁸⁹ Для подавляющего большинства мусульман Коран, будучи Речью Аллаха, является несотворенным, т. е. не обладающим атрибутом сотворенности, которым характеризуются все сотворенные вещи, предметы, существа, качества, движения. Иными словами, он существует извечно, до возникновения, точнее. создания самого времени. Сотворенным же во времени является *список* Корана, или «свиток» – *мусхаф*. Араб-мусульманин никогда не скажет: «Я взял в руки Коран». Он скажет: «Я взял в руки *мусхаф*».

⁹⁰ Коран, 5:5. (выделено нами) Здесь и далее цитируется в переводе академика И.Ю. Крачковского, если не оговорено иное.

⁹¹ Употреблено слово «речь» (*лисан*) а не «язык» (*люга*). См.: Коран, 16:103, 25:195. В Коране еще упоминается просто «арабская речь» тоже в связи с Кораном. См.: Коран, 46:12. Это обстоятельство, зафиксированное в Коране, заставляет внимательно отнестись к трактовкам ислама как арабской (аравийской) национальной религии. В настоящее время в Ираке разбитые, но не уничтоженные арабские националисты – члены партии Баас (или ПАСВ – Партии арабского социалистического возрождения) – в соответствии с идеями основателя партии, православного христианина Мишеля Аффляка, изложенными в его книге «Арабский Посланник», которая была написана в 40-х гг. XX в., характеризуют арабов как тех, кто был избран Аллахом: «И избранная Им нация стала самым искренним, надежным и верным носителем этого послания (ислама. – *А.И.*)». Именно к арабам баасисты относят содержащиеся в Корана аяты: «Вы были лучшей из общин, которая выведена пред людьми: вы приказывали одобряемое и удерживали от неодобряемого и веровали в Аллаха» (Коран, 3:110). «И так Мы сделали вас общиной посредствующей, чтобы вы были свидетелями относительно людей и чтобы посланник был свидетелем относительно вас» (Коран, 2:143). «И ведь это (Коран. – *А.И.*) – напоминание тебе и твоему народу, и вы будете спрошены» (Коран, 43:44). См.: «Институт религии и политики: Иракские вооруженные группировки открывают новый «фронт» (Манифест «Верховного командования джихада и освобождения Ирака») // Сайт «Ислам и политика – Институт религии и политики», 21.10.2007. <http://i-r-p.ru/page/stream-document/index-16748.html>.

⁹² Аллах в процитированном аяте употребляет слово *акмальту*, которое несет в себе и смысл «совершенства» (*камаль*). Завершенность-совершенство не предполагает никаких дополнений и изменений.

⁹³ Коран, 33:40. Вероятнее всего, это место в Коране – отражение того факта, что после начала пророческой миссии Мухаммада на Аравийском п-ове стали появляться претен-

пророка Мухаммада (8 июня 632 г.) Откровение прекратилось – *Аллах замолчал*. Текст Корана был зафиксирован на письме (кодифицирован) при халифе Османе (644–656).

Коран был ясен и вполне достаточен для понимания того, что такое «ислам как религия», если воспользоваться кораническим же выражением.

Знаменитый средневековый теолог Ибн-Таймийя (1268–1323) говорит о том, что Коран не требовал объяснений или толкований просто потому, что был абсолютно понятен на протяжении трех «веков» (*карн*), под которыми понимаются три поколения мусульман – сподвижники пророка Мухаммада, их дети и их внуки. И, если иметь в виду, что «век» в этом смысле считался арабами равным 40 годам, то в течение 120 лет, т. е. примерно до 750 г. не было никаких более-менее серьезных проблем с пониманием сакрального Богооткровенного Текста (Корана) и соответственно того, что такое ислам. Не в последнюю очередь это объясняется тем, что первые три поколения аравийских мусульман были относительно компактным образованием в неразрывном пространственно-временном континууме, члены которого были объединены короткими коммуникативными связями и говорили (и писали) на одном языке.

Ислам «завершен», а жизнь продолжается

Однако сразу же после смерти пророка Мухаммада (и соответственно окончания Откровения и завершения «ислама как религии») в общине мусульман начались другие проблемы – *нерелигиозные*. Возник вопрос о наследовании лидерства в общине, ответ на который не был дан в Откровении, т. е. Аллах ничего по этому поводу не сообщил в Своей Речи. По нашему мнению, именно в Коране намечается четкое и даже резкое разделение на «ислам как религию», с одной стороны, и, с другой стороны, на вопросы мирской, земной, «дольней» жизни – разделение, которое в эпоху Средневековья сложилось в противопоставление «религии» (*дин*) и «дольней жизни» (*дунья*) – вопреки существующему заблуждению, что в исламе не было и нет разделения на «религиозное» и «мирское», «религиозное» и «политическое»⁹⁴. Божественный замысел Аллаха, наверное, можно по-

денты на то, чтобы быть пророками (выработался даже специальный термин – *мутанаб-би*, «претендующий на то, чтобы быть пророком»). Еще при жизни пророка Мухаммада на Аравийском полуострове появились «лже-пророки» – в Йамаме объявился Масляма, прозванный Мусалиймой (уничжительное от Масляма) аль-Каззабом («Лжецом»), в Йемене – аль-Асвад аль-Анси, при халифе Абу-Бакре (632–634), непосредственно передавшем Мухаммаду власть в общине, – Тулейха ибн Хувайлид из племени бану Асад – Ибн Хузайма и Саджах (женщина) из племени бану Тамим. Аль-Асвад был убит еще при жизни Пророка, а Мусейлима – при халифе Абу-Бакре.

⁹⁴ Мифологема неразделенности «религиозного» и «политического» – продукт конкуренции духовенства и светских правящих групп в странах распространения ислама. С одной стороны, идею неразделенности в исламе «религиозного» и «мирского», «религиозного» и «политического» продвигает исламское духовенство, стремящееся контролировать не-

нимать следующим образом: ислам как религия абсолютно ясен, понятен и доступен каждому, говорящему «ясной арабской речью» и изучившему Коран как результат Божественного Откровения, а с проблемами нерелигиозными («земными» – бытовыми, политическими, экономическими и всякими иными) мусульмане обязаны разбираться сами.

Не сказать, что со всеми проблемами «дольней жизни» разбирались успешно. Самая первая проблема, возникшая после смерти Пророка, – наследования Пророком политической власти в общине мусульман получила только временное разрешение в форме «халифата», или правления «праведных халифов», при котором власть передавалась, что характерно, с каждым раз изменяющимися правилами избрания (т. е. импровизированно) среди «праведных халифов» (от араб. *халифа* «наследник»), избравшихся из ближайших сподвижников Пророка – арабов из аравийского рода курейшитов: Абу-Бакра (тестя пророка Мухаммада), Османа, Омара, Али (зятя пророка Мухаммада).

Нельзя не заметить этнический, во многом племенной и даже «семейный» характер механизма передачи власти в общине, который называется у мусульман-суннитов «выбором» (*ихтийяр*). (Эта система применяется вплоть до настоящего времени в суннитских монархиях – Саудовской Аравии, Иордании, Марокко и др.) Оппозиция принятой у суннитов системе «халифов», сразу возникшая в VII веке, была в немалой степени *антиарабской*. Сформировалась своеобразная, если можно так выразиться, «демократическая» оппозиция *хариджитов*, выступавших за то, чтобы главой мусульманской общины мог стать мусульманин *люБого* происхождения – пусть даже «эфиопский раб с вырванными ноздрями», как говорится в одном из *хадисов* (о *хадисах* – ниже), приписываемых пророку Мухаммаду⁹⁵. В «двух Ираках» – Ираке и Персии сформировалась (тоже очень условно говоря) «региональная» оппозиция в форме *шиизма*, адепты которого верили и верят, что верховная власть в общине после смерти пророка Мухаммада должна была передаваться по Божественному «назначению» (*та'йин*) – конкретно поименованным Аллахом в сакральном Тексте Имамам – предстоятелям, предводителям исламской общины: сначала Али Ибн-Аби-Талибу (он стал только четвертым «праведным халифом» у суннитов), же-

религиозную сферу общества, а с другой стороны – светские правящие группы, стремящиеся, в свою очередь, к контролю над религиозной сферой.

⁹⁵ Хариджиты ссылаются на хадис Пророка Мухаммада: «Если будет поставлен повелителем над вами [даже] эфиопский раб с вырванными ноздрями (*маджзу' аль-унф*) и установит между вами Божественное Писание и мою Сунну, то слушайте его и ему повинуйтесь» (*А'ваит Бакир бен-Са'ид*. Дирасат ислямийя фи-ль-усуль аль-ибадийя (Исламские исследования ибадитских основ веры). – Константина (Алжир), 1982. – С. 119–120.) Хадис принимается в качестве истинного и другими мусульманами, которые, однако, не делают из этого таких радикальных выводов, толкуя выражение «повелитель над вами» ограниченно как, например, «командир вооруженного отряда». Хариджизм сохранился вплоть до настоящего времени в форме ибадизма, распространенного на Аравийском п-ве (в Омане) и на Севере Африки (в Алжире и Ливии).

нату на дочери Пророка Фатиме, а затем детям Али и Фатимы – их сыновьям Хасану и Хусейну, потом – их «избранным» потомкам⁹⁶.

Одна эта проблема с наследованием власти Пророка в общине мусульман очень рано выявила *нормативную дефицитность сакрального Текста – Корана*. Говоря проще, в Коране нет полного набора норм, регулирующих все аспекты социальной, политической, экономической, культурной и интеллектуальной жизни исламской общины. Подсчеты показывают, что на 6236 аятов («стихов») Корана «готовые» правила общественного поведения (социальные нормы) можно обнаружить не более чем в 300 аятах (менее 5 %), и они не составляют цельной системы.

Компенсация нормативной дефицитности сакрального Текста

При том что Коран нормативно дефицитен, жизнь исламской общины, регулирование отношений между нею и окружающим миром, задачи управления захваченными территориями, это и многое другое требовало *компенсации*, т. е. выработки норм и правил на разные случаи жизни. Компенсация нормативной дефицитности осуществлялась по-разному. Так, использовались доисламские, несколько модифицированные нормы. В самой передаче власти в исламской общине нетрудно увидеть те принципы, которые применялись в условиях арабийского родоплеменного общества, когда власть в союзе племен или на определенной территории принадлежала представителям какого-то рода (в данном случае ими стали курейшиты). В шиизме прослеживается идея передачи власти по наследству потомкам по мужской линии, родившихся от брака дочери Пророка Мухаммада – Фатимы с Али (прямых наследников-сыновей у Пророка не было). Большая отдельная тема – нормативные заимствования из персидского (зороастрийского) и византийского (христианского) нормативного наследия, особенно в политике⁹⁷.

⁹⁶ Шииты в обоснование этого ссылаются на определенным образом (в пользу преемства Али) толкуемые аяты (стихи) Корана и так называемый «хадис, [произнесенный Пророком] в Гадир Хуме». Сам хадис признается как достоверный и суннитами – при том, что употребляемое слово *вали* (широкий спектр значений, концентрирующихся вокруг «близости», «дружбы», «родства», «заботы», «опеки», «покровительства» и т. п.) они совершенно не склонны толковать в смысле «наследник», как это делают шииты. Кстати сказать, в выражении *вилаят-и факих* (теория Хомейни о наследовании власти в общине мусульман до момента прихода ожидаемого Махди со стороны ученого-факиха) применяется однокоренное с *вали* слово *вилаят*. Современную шиитскую реконструкцию событий в Гадир Хуме см. на русскоязычном шиитском Интернет-сайте: «Полный текст проповеди Пророка Мухаммада (да благословит Аллах его и род его!) в Гадире Хум» // Исламский теологический центр мусульман-шиитов – <http://www.al-shia.ru/hadith/al-gadir.htm>.

⁹⁷ В средневековой словесности на арабском языке существовал мощный пласт «поучений владыкам» (*наса'их аль-мулюк*), или «княжеских зерцал», которые формировали систему норм практической политики, которые едва ли не целиком выводились из политической практики и из неисламского наследия политической мысли – персидского, византийского, индийского. См.: Александр Игнатенко. Как жить и властвовать. Секреты успеха, добытые в арабских назиданиях правителям. – М.: Прогресс-Культура, 1994.

Однако приоритетной сферой компенсации нормативного дефицита была религиозная, исламская компенсация нормативной дефицитности сакрального Текста. Она осуществлялась двумя методами – путем *экстенсификации*, т. е. расширения объема Корана за счет дополнений к нему и путем *интенсификации* Текста, или его «углубления», интерпретации, переосмысления, придания ему новых смыслов.

Сложилась следующие формы и методы *экстенсификации*.

Коранические апокрифы. Историческим фактом, принимаемым как достоверный и мусульманами, и исламоведами, является то, что в эпоху правления халифа Османа были собраны в одну книгу запомненные первыми мусульманами и передававшиеся изустно аяты Корана, а также довольно немногочисленные аяты, записанные на обрывках пергамента, верблюжьих костях и т. п. Не прошедшие «редакционную коллегия» записи были уничтожены.

И здесь, естественно, сразу возникает множество вопросов. Не ошиблись ли составители? Действительно ли были собраны все аяты, передававшиеся изустно и с использованием импровизированных средств письменной фиксации? И не остались ли какие-то записи, не уничтоженные огнем? Шииты, которые ставили в вину Осману и всей «редакционной коллегии» то, что они не включили в текст Корана прямые указания на то, что первым и единственным халифом (наследником пророка Мухаммада) должен быть зять пророка Али Ибн-Аби-Талиб, были уверены в существовании «Корана Фатимы» (*Мусхаф Фатима*) – более полного текста Корана, который якобы существовал у дочери Мухаммада Фатимы, ставшей женой Али. «Коран Фатимы» никогда обнаружен не был и, вероятнее всего, не существовал, хотя у Фатимы и могли быть какие-то записи коранических аятов, которые, по всей видимости, были учтены «редакционной коллегией».

Однако предпринимались (и предпринимаются) попытки «досочинить» Коран – создать апокрифические, псевдокоранические тексты, выдавая их за Коран, т. е. за ту часть ниспосланного пророку Мухаммаду Богооткровенного Текста, который якобы не был включен в Коран. В эпоху Средневековья было распространено приписываемое второму «праведному халифу» Умару (634–644) высказывание о том, что в коранический Текст не попал ниспосланный Пророку Мухаммаду аят о *раджме*, побивании камнями прелюбодеев⁹⁸. В 40-х гг. XIX в. много шума в среде востоковедов наделала обнаруженная апокрифическая кораническая сура (глава) «Два света» (*Ан-Нуран*), сочиненная мусульманами-шиитами, вероятнее всего, в X веке⁹⁹.

⁹⁸ См.: *Тауфик Ибрагим*. На пути к коранической толерантности. – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2007. – С. 110–111.

⁹⁹ Арабский текст и французский перевод были опубликованы сначала французским арабистом-востоковедом Гарсеном де Тасси, а затем профессором Казанского университета Мирзой Александром Газем-Бегом в начале 40-х годов XIX века. См.: *Kazem-Beg Mirza Alexandre*. Observations sur le “Chapitre inconnu du Coran”, publié et traduit par M. Garcin de Tassy (“JA”, mai 1842) // *Journal Asiatique*. 1843. 2-me partie. – С. 414–427). Апокриф сочи-

Апокрифические дополнения к тексту Корана делаются до сих пор – по «мелочам». Приведем два примера из российской действительности. Газета «Уфимский меридиан» недавно сообщила, что настоятель мечети «Гуфран», отвечая на вопрос, «разрешается ли мусульманской религией кастрирование котом и собак», сказал следующее: «В исламе кошки считаются животными, которых можно держать в доме. Считается, что у их хозяев смягчается сердце. Кастрация котом религией разрешена. А вот у собак такая процедура строго запрещена, как и содержание их в жилом помещении. Собаки по законам ислама должны жить во дворе, отдельно от хозяев. Эти священные животные – стража и защита. «Там, где есть собака, обитают ангелы», – написано в Коране»¹⁰⁰. Этого в Коране точно нет, и данный «аят» – плод сочинительства настоятеля мечети. В «Русской доктрине», подготовленной в Отделе внешних церковных связей Русской Православной церкви (август 2007 г.), обнаруживается скрытый коранический апокриф: «Надо отметить, – говорится в «Русской доктрине», – что Аллах запрещает делать христиан мусульманами»¹⁰¹. Здесь есть ссылка на Аллаха, и это положение предполагается наличествующим в Богоданном сакральном Тексте – Коране. Но в Коране этого запрета нет.

Нельзя не упомянуть для полноты картины о современных попытках сочинения «нового Корана». После терактов 11 сентября 2001 г. на книжный рынок США и отдельных арабских стран был выпущен «Истинный Фуркан» (*Аль-Фуркан*, или «Различающий [между истиной и ложью]» – одно из наименований Корана.) Книга отформатирована как Коран – разбита на *суры* («главы»), некоторые из которых называются как коранические, и *аяты* («стихи») и изложена на арабском и английском языках. В ней нет призывов к джихаду против «неверных», присутствующих в Коране. Этот пример стоит особняком в рамках рассматриваемой темы, т. к. «Истинный Фуркан» сочинен не мусульманами, а арабами-христианами для мусульман, что особо и не скрывается¹⁰².

Предание (Сунна) как дополнение к сакральному Тексту (Корану).
Проповедуя новую веру, пророк Мухаммад находился в особом психо-

нен довольно поздно, вероятнее всего в X веке, он явно шиитского происхождения: в нем Али уравнивается с пророком Мухаммадом и излагается один из вариантов шиитской же концепции наделения Божественным Знанием Пророка и его зятя, который стал первым имамом в череде двенадцати шиитских имамов (от этого произошло название шиитской секты в исламе – имамиты-двунадесятники), наделенных способностью получать Божественное Знание непосредственно от Аллаха (об этом – ниже).

¹⁰⁰ Уфимский меридиан, 17.05.2007

[http://www.province.ru/newspapers/gazeta/28/20\(226\)/634964.html](http://www.province.ru/newspapers/gazeta/28/20(226)/634964.html). Перепечатка на сайте Института религии и политики – <http://i-r-p.ru/page/stream-event/index-13169.html>.

¹⁰¹ Русская доктрина. Часть II. Русский дух. 4. Гармония между традиционными вероисповеданиями – <http://www.rusdoctrina.ru/index.php?subject=4&t=28>.

¹⁰² См.: The True Furqan – <http://www.truth-in-crisis.com/TheTrueFurqan.htm>. Вокруг «Истинного Фуркана» формируется корпус теологической и пропагандистской литературы, особый культ, некоторое количество верующих, которых допустимо рассматривать как «новую религиозную группу», мало отличающуюся от других подобных групп.

физиологическом состоянии, которое было для окружающих сигналом того, что он произносит текст не от своего имени. К тому же, в тексте Корана Аллах говорит о себе: «Мы», а о самом Пророке – в третьем лице. Но Мухаммад высказывался и от своего имени по разным вопросам бытия первых мусульман, да и вообще по разным поводам.

Эти высказывания, описания поступков, жестов, умолчаний, получившие названия *хадисов* (ед. ч. *хадис*), запоминались с разной степенью точности (как и высказывания других первых мусульман и иных жителей Аравийского полуострова) и передавались изустно из «поколения» в «поколение». Однако при возникновении нормативного дефицита хадисы стали собирать, фиксировать на письме, систематизировать и кодифицировать. При этом стали это делать целенаправленно *спустя два века* после смерти Пророка в условиях удлинения и разрывов коммуникативных связей. По всему тогдашнему исламскому миру путешествовали собиратели хадисов, руководствуясь обнаруженным и зафиксированным к тому времени на письме хадисом Пророка: «Взыскуй [исламского] знания, даже если тебе придется для этого отправиться в Китай. Стремление к [исламскому] знанию – обязанность каждого мусульманина». Эти путешествия продолжались еще в XI веке, т. е. *спустя четыреста лет (!)* после смерти Пророка, и *мухаддисам* (собирателям и знатокам хадисов) удавалось обнаруживать до толе незаписанные высказывания Мухаммада¹⁰³.

Средневековые источники сообщают, что некоторые собиратели и систематизаторы хадисов знали до 800 000 небольших текстов (от одного слова до страницы), приписывавшихся пророку Мухаммаду. Изощренная система проверки достоверности хадисов выявила то, что значительная, если не подавляющая, их часть *недостоверна* или характеризуется слабой достоверностью: были умышленно сочинявшиеся и приписывавшиеся Пророку хадисы (например, «рекламные», прославлявшие басрийские финики или еще какой-то товар, либо восхвалявшие не существовавшие во времена Пророка города, например Каир, либо обосновывающие права на власть какой-то группировки). Свою роль играли и забывчивость людей, и разрывы в цепочке передатчиков на протяжении двух или более веков и т. п. Из этого громадного количества преданий известный собиратель и систематизатор аль-Бухари (810–870) отобрал в качестве «безупречных», или «правильных» лишь около 7400 хадисов. Но споры о достоверности разных хадисов не прекращаются среди мусульман до нынешнего дня.

Вопрос о достоверности Сунны не закрыт до сих пор, о чем свидетельствует возникновение сект, отрицающих Сунну как таковую. Так, в настоящее время в Египте существует секта «коранистов». «Коранисты» счи-

¹⁰³ См.: аль-Хатиб аль-Багдади, он же Абу-Бакр Ахмад ибн-Али Ибн-Сабит. Ар-Рихля фи талаб аль-хадис (Путешествие за хадисом) / Публ.: Нур-ад-Дин 'Атр. – Бейрут: Дар аль-кутуб аль-ильмия, 1975. – С. 29, 71–76. В этом трактате автор – известный мухаддис, живший в 1001–1070 гг., – рассказывает о подобном путешествии за религиозным знанием – хадисами Пророка Мухаммада.

тают, что единственным Богооткровенным и достоверным Текстом является Коран, а Сунне нельзя следовать, поскольку хадисы, когда они устно передавались в течение двух веков после смерти Пророка, прежде чем начали фиксироваться на письме, подверглись искажению. В августе 2007 г. крупнейший суннитский исследовательский и учебный центр «Аль-Азхар» издал фетву – правовое заключение, согласно которому «коранисты», если они станут упорствовать в своих заблуждениях, будут рассматриваться как вероотступники¹⁰⁴. Идей «коранизма», целиком отрицающего достоверность Сунны и признающего только достоверность Корана, придерживается «лидер ливийской революции» Муаммар Каддафи.

«Израиляды». В период первоначального ислама имели хождение в исламской среде и затем остались в исламском наследии в письменном зафиксированном виде афоризмы, максимы и притчи на арабском языке, восходящие к иудео-христианской традиции (включая неканонические евангелия) и приписывавшиеся Соломону (*Суляйману*), Давиду (*Давуду*), Иисусу (*Исе*¹⁰⁵) и др. Множество «израиляд» приводится в знаменитом трактате аль-Газали «Воскрешение наук о вере». Например, из него мы узнаём, что Иисус (*Иса*) говорил: «Блажен тот, кто оставил благо явное ради обетованного – сокрытого и незримого»¹⁰⁶. Некоторые «израиляды» приписывались пророку Мухаммаду в виде хадисов. Вот один пример: «Не вместили Меня, – говорит Аллах о Себе, – ни небо Моё, ни земля Моя. Но вместило меня сердце верующего раба Моего»¹⁰⁷. При том, что для мусульманина было допустимо использовать «израиляды», и очень часто делалось, как правило, в назидательно-морализаторских и мистических (суфийских) трактатах, они не были проверяемы критериями достоверности, в отличие от хадисов Пророка, достоверность которых выяснялась с высокой степенью тщательности.

Заменители Откровения у мистиков – вдохновение, «возобновление» Откровения и «возобновление» пророка Мухаммада. Мистики-суфии утверждали, что определенные практики типа воздержания от пищи, непрерывные молитвы и т. п. «возвышают» их душу, и она подымается до Божественных вершин. Они уверяли, что получают от Аллаха либо некий заменитель Откровения – вдохновение (*аль-ильхам*), либо даже само Откровение, и тем самым приобретают знания, которые были неизвестны

¹⁰⁴ См.: Улемы «Аль-Азхара»: Коранисты-вероотступники // Аш-Шарк аль-Авсат. – Лондон, 23.08.2007. – <http://www.asharqalawsat.com/details.asp?section=17&article=433774&issue=10495>.

¹⁰⁵ Евангельский *Иисус* и *Иисус* коранический – даже не омонимы. В докоранических евангельских текстах и до сих пор христианами-арабами Иисус называется *Ясу*’, в Коране – *Иса*. Автором этих строк замечено, что *Иисус* у христиан и *Иисус* у мусульман – это два зеркально-противоположных слова: у христиан имя *Иисус* (*Ясу*’) состоит из трех букв: *я-син-айн*, у мусульман (*Иса*) – из тех же букв, но расположенных зеркально, в обратном порядке: *айн-син-я*.

¹⁰⁶ *Абу-Хамид аль-Газали*. Ихйя’ ‘улюм ад-дин (Воскрешение наук о вере): В 5 ч. – Касабланка, Б. г. Ч. 3. – С. 63.

¹⁰⁷ *Ибн-Таймийя*. Аль-Фатава аль-кубра (Великие фетвы) / Публ.: Мухаммад Абд-аль-Кадир Ата и Мустафа Абд-аль-Кадир Ата: В 5 ч. Ч. 5. – Бейрут, 1987. – С. 87.

пророку Мухаммаду¹⁰⁸. Например, Абд-аль-Кадир аль-Джили (или аль-Джилани, 1077–1166), основатель и эпоним существующего до сих пор суфийского тариката Кадирийя, утверждал, что видел Аллаха собственными глазами и черпал из «морей Божественных знаний»¹⁰⁹. Другой аль-Джили – Абд-аль-Карим (ум. в 1428 г.) уверял, что его книга «Совершенный человек» содержит то, что сам Аллах вложил в его уста¹¹⁰.

Еще один мистик – Ибн-Араби (1165–1240) в своих «Мекканских откровениях» заявлял, что в этой громадной книге (по объему раз в пять-семь раз больше Корана) он не написал ни одного слова, которое бы не было результатом Откровения от Аллаха. «Аллах Всевышний дал мне знание о сущности вещей – каковы они в своей сути, и с помощью откровения указал мне на истины их связей и отношений»¹¹¹. Другая его книга – «Геммы мудрости» была, по утверждению Ибн-Араби, передана ему в 1229 г. в Дамаске пророком Мухаммадом. Более того, Ибн-Араби, по его же утверждению, был даже ниспослан Коран, вернее, один аят Писания. Сам он в «Мекканских откровениях» описывает это как событие, случившееся с ним в Фесе в 1197 г. «Будучи весь в свете и сам превратившись в свет», Ибн-Араби обратился к Аллаху с мольбой о том, чтобы он дал ему знамение (*аят*), в котором бы содержалось то, что говорится во всех других аятах Корана. И Аллахом ему была ниспослана своего рода Сунна Корана: «Скажи: Мы уверовали в Аллаха и в то, что ниспослано нам, и что ниспослано Ибрахиму, Исмаилу, Исхаку, Якубу и коленам, и что было даровано Мусе и Исе, и что было даровано пророкам от Господа их. Мы не различаем между кем-либо из них, и Ему мы предаемся»¹¹².

¹⁰⁸ См.: *Jadaane F. Révélation et Inspiration en Islam // Studia Islamica.* – P. 1967. № 26. – С. 41.

¹⁰⁹ *Гольдциэр И.* Культ святых в исламе (Мухаммеданские эскизы). – М.: ОГИЗ/ГАИЗ, 1938. – С. 31.

¹¹⁰ *Абд-аль-Карим ибн-Ибрахим аль-Джили (аль-Джилани).* Аль-инсан аль-кямиль фи ма'рифа аль-авахир ва-ль-ава'иль (Совершенный человек, или Знание концов и начал): В 2 ч. – Каир, 1963. – Ч. 2. – С. 11; Ч. 1. – С. 6.

¹¹¹ *Мухи-д-Дин Ибн-Араби.* Изображение окружностей, охватывающих подобие человека Творцу и сотворенному миру // *Ибн ал-Араби.* Мекканские откровения (ал-Футухат ал-маккийя): Введ. Пер. с араб., прим. и библиогр. А.Д. Кныша. – С. 36.

¹¹² *Мухи-д-Дин Ибн-Араби.* Аль-Футухат аль-маккийя (Мекканские откровения): В 4 т. Т. 3. – Бейрут: Дар Сафир, Б. г. – С. 350; Коран, 2:136. Тот же аят воспроизведен в Коране еще раз 3:84. Ситуация напоминает ту, которая описана в новелле аргентинского писателя Хорхе Луиса Борхеса «Пьер Менар, автор «Дон Кихота» (из сборника «Вымышленные истории», 1944 г.), в которой рассказывается о том, как некий писатель предпринял дерзновенный замысел – «создать несколько страниц, которые бы совпали – слово в слово и строка в строку – с написанным Мигелем де Сервантесом». И ему это удалось – он сочинил девятую и тридцать восьмую главы первой части «Дон Кихота» и фрагмент двадцать второй. См. подробно: *Александр Игнатенко.* Зеркало ислама. – М.: Русский институт, 2004. – С. 45–46.

Ибн-Араби разработал целую концепцию «святости» (*вилая*¹¹³), которая во многом повторяет пророческую миссию (*нубувва*) пророков ислама как истинного единобожия, в том числе «печати пророков» – Мухаммада, а в ряде пунктов ставится выше пророческой миссии как таковой. Сам он, по собственному утверждению, оказывается «наследником (*варис*) пророческой миссии Мухаммада» и даже «печатью Мухаммадовой святости». Свою биографию Ибн-Араби форматирует таким образом, что она повторяет важные пункты биографии пророка Мухаммада. Это развернутый намек на то, что в Ибн-Араби «возобновился» пророк Мухаммад и следовательно возобновилось Откровение.

Еще более витиевато о возобновлении Откровения через «возобновление» пророка Мухаммада, говорит Абд-аль-Карим аль-Джили. Аль-Джили разрабатывает концепцию Совершенного Человека как своего рода вечную матрицу, которая самовоспроизводится в пророках и суфийских святых, начиная с предвечно существовавшего пророка Мухаммада. И аль-Джили среди тех, в ком «воспроизвелся» пророк Мухаммад, называет *знаменитого мистика Абу-Бакра Дулафа аш-Шибли (861-946) и своего наставника Шараф-ад-Дина Исмаила аль-Джабарти*.

Для полноты картины укажем, что некоторые мистики претендовали на то, чтобы быть воплощением Аллаха, т. е. самим стать *источником* Откровения, как это произошло с Мансуром аль-Халладжем (868–922), который, ничтоже сумняшеся, провозгласил: «Аз есмь Истинный», назвав себя одним из Божественных имен Аллаха – *аль-Хакк*. Аль-Халладжа за это убили правоверные мусульмане, и его текстовое наследие до нас не дошло.

Все упомянутые выше произведения суфиев-мистиков сохранились и до сих пор присутствуют на книжном рынке в исламских странах и находятся в интеллектуальном обороте мусульман, хотя с позиций суннитского ислама все приведенные идеи – чудовищная ересь, поскольку Откровение, как это однозначно прописано в Коране, ни в какой форме не может возобновляться. Великий средневековый теолог и правовед Ибн-Таймийя, тоже популярный в настоящее время у мусульман-суннитов во всем мире, боролся против Ибн-Араби и его последователей и писал о них, что они больше принесли зла и вреда исламу и мусульманам, чем Чингиз-хан своими войнами.

Сновидение как разновидность Откровения. Пророку Мухаммаду приписывается хадис: «Сновидение – одна сороквосьмая часть пророческой миссии (*нубувва*)». Это утверждение означает, что всякий спящий мусульманин, который получает от Аллаха сновидение, получает одну сороквосьмую часть Откровения. Авторитетный средневековый теолог Ибн-Таймийя (1263–1328) утверждал, что «сновидение правоверного – речь, с которой к Своему рабу, когда тот спит, обращается Аллах»¹¹⁴. Выражение «речь [Ал-

¹¹³ С этим понятием (в персидском варианте – *вилаят*) мы встречаемся в теории аятоллы Хомейни.

¹¹⁴ *Ибн-Таймийя*. A Letter of Ibn Taimiyya to Abu l-Fida', edited by Dr. Serajul Haque // Documenta islamica inedita. – Berlin: Akademie-Verlag, 1952. – С. 158.

лаха]» (*калям* [Аллах]) Ибн-Таймийя, очень строго следивший за своими словами и с гордостью называвший себя «текстовиком» (*насси*), подразумевающая строгое следование сакральному Тексту – Корану, как видим, употребляет как в отношении сновидений, так и в отношении Корана.

Во сне мусульманам являлись и Аллах, и пророк Мухаммад. В сновидениях они бывали в раю, узнавали о будущих событиях, которые «ведомы только Аллаху» и т. п.¹¹⁵

Шиитские имамы как живое дополнение к Писанию, или живой сакральный Текст. В шиизме экстенсификация сакрального Текста осуществлялась не так, как у суннитов. К Корану был добавлен своего рода *живой сакральный Текст*: с Кораном были уравнены сами шиитские имамы – начиная с Али, тестя пророка Мухаммада и продолжая его потомками, вплоть до двенадцатого имама Мухаммада, приход которого в качестве *Махди*, или Ведомого Аллахом ожидается шиитами до сих пор.

Вот как это описывается в одном из хадисов пророка Мухаммада («Хадис двух драгоценностей»), который шииты признают полностью достоверным, а сунниты – абсолютно недостоверным. «Оставляю вам две драгоценности – Книгу Аллаха (т. е. Коран. – *А.И.*) и мое Семейство – Людей моего дома. И они не разойдутся (т. е. будут в согласии. – *А.И.*), пока [люди] не выйдут к Водоёму (имеется в виду эпизод Страшного Суда. – *А.И.*), – подобно этим двум [пальцам]». И он свел вместе указательные пальцы двух рук, приложив один к другому и сравнял их, а затем продолжил: «Я не говорю: как эти [пальцы]». Тут он показал сложенные указательный и средний палец правой руки. «Ведь они разнятся (букв: один из них опережает другой)». И потом Пророк закончил: «Воистину, они (Писание и Семейство. – *А.И.*) среди вас подобны Ноеву ковчегу: кто взойдет на него, спасется, а кто его оставит – утонет»¹¹⁶.

Таким образом, Коран (его шииты признают в качестве Речи Аллаха) дополняется имамами, которые равны, равноценны Корану (как указательные пальцы двух рук одного человека), получая свое знание от Аллаха (как Коран был получен от Аллаха пророком Мухаммадом), и тем самым их высказывания и сочинения приравниваются у шиитов к Корану. Наиболее авторитетно у шиитов собрание речей, высказываний, проповедей и посланий имама Али «Путь красноречия» (*Нахдж аль-балага*), по поводу аутентичности которого в нешиитской среде продолжаются споры. Немалое количество ученых считает, что значительная часть «Пути красноречия» апокрифична.

Двенадцатый имам исчез в 70-х гг. IX в. Шииты разработали теорию о том, что после этого Аллах для доведения Божественного знания до людей избирает в каждом поколении Наидостойнейшего (*аль-Афдаль*), который и

¹¹⁵ Leah Kinberg. The Legimization of the Madhahib through Dreams // Arabica. Leiden. 1985. T. XXXII, fas.1.

¹¹⁶ Аль-Кади ан-Ну'ман. Ихтиляф усуль аль-мазахиб (Расхождение основ законоведческих толков) / Публ.: Мустафа Галиб. – Бейрут: Дар аль-Андалус, 1983. – С. 58–59, 49.

становится просветителем и водителем рода человеческого¹¹⁷. Вариация теории Наидостойнейшего – знаменитая теория аятоллы Хомейни о *вилаят-и факих* (наследовании власти в общине мусульман-шиитов ученым – знатоком ислама), которая в значительной своей части является обоснованием того, что знаток ислама (*факих*) обладает сокровенным знанием, получаемым непосредственно от Аллаха. Шиитские улемы (*муджтахиды*) – «сами себе Текст»: высшая ступень в шиитской иерархии недаром называется *аятолла*, «от арабского *аят-Аллах* – знамение Аллаха» так же, как *аят*, «стих» Корана, «речи Аллаха», букв. «знамение [Аллаха]».

Важно сразу отметить, что эти политико-теологические выкладки аятоллы Хомейни не имеют прямых оснований в Богооткровенном сакральном Тексте – Коране. Примечательно, что в книге Хомейни «Исламское правление», в которой теория *вилаят-и факих* и излагается, Коран цитируется менее десяти раз на 150 страницах¹¹⁸. Это исключительно низкий показатель для произведения, претендующего на то, чтобы быть исламско-теологическим. Но иначе и быть не может: теория *вилаят-и факих* (власти ученого-законоведа, замещающего ожидаемого Махди), выдаваемая за «исламское правление», – концептуальная разработка Хомейни, которая была призвана обосновать верховную власть самого Хомейни в «послереволюционном» Иране. (И совсем не исключается, что довольно скоро «Исламское правление» Хомейни и теория *вилаят-и факих* будут шиитами преданы забвению.)

Мир как сакральный Текст. Весьма интересны в спекулятивном отношении попытки трактовать мир, окружающую действительность как «Речь Аллаха», т. е. как Богооткровенный сакральный Текст, как бы «продлевающий» Откровение в новой форме. Эту идею мы обнаруживаем у многих мыслителей – Ибн-Масарры (883–931), Абд-аль-Карима аль-Кушайри (986–1072), Ибн-Араби, Абд-аль-Карима аль-Джили и др. Четко выразил эту идею Абу-Хамид аль-Газали: «...После прекращения Откровения (*инкита‘ аль-Вахй*), Всеславный Бог стал доводить (*азхара*) до людей. Свою речь посредством осязаемых вещей (*умур махсуса*)»¹¹⁹. Эти вещи, как и коранические аяты, тоже являются «знамениями» (*аят*), и они, как и Коран, должны подвергаться «истолкованию» (*тафсир, шарх*)¹²⁰.

Однако эта линия не получила развития и не была реализована в какой-то развернутой или систематизированной форме в отличие, например от ониромахии, – науки толкования сновидений. Уверенность же в креа-

¹¹⁷. См.: *Eliash Joseph*. The Ithna‘ashari-shi‘i juridic theory of political and legal authority // *Studia Islamica*. 1969. № 29. – С. 21, 23–24.

¹¹⁸ См.: *Имам Хомейни*. Исламское правление // Исламский теологический центр мусульман-шиитов. http://www.al-shia.ru/zip_archiv/Islamskoe-pravlenie.pdf.

¹¹⁹. *Абу-Хамид аль-Газали*. Аль-Мустасфа мин ильм аль-усуль (Избранное из науки основ): В 2 ч. – Бейрут, Б. г. Ч. 1. – С. 93

¹²⁰. *Абу-Хамид Аль-Газали*. Аль-имля‘ фи ишкьялят аль-Ихйя’ (Дополнение к проблемам «Воскрешения наук о вере») // Он же. Ихйя’ ‘улюм ад-дин (Воскрешение наук о вере): В 4 т. – Каир, 1334 г. х. Т. 5: Приложения. – С. 20.

ционистской связи между Аллахом и миром привела к созданию ряда концепций Богопознания через познание мира.

**Трансгрессия сакрального Текста. Нерелигиозная философия и фило-
лософские науки.** Если замыкаться на рассмотрении сакрального Текста и человеческих дополнений к нему, может сложиться ложное представление о том, что интеллектуальный «ландшафт» средневекового «исламского» мира был абсолютно и целиком исламским. Как минимум, надо вспомнить, что «исламская» культура формировалась на пространствах, где исконными, «коренными» жителями были и иудеи, и христиане, и зороастрийцы, и буддисты со своими мощными интеллектуальными традициями, воздействовавшими на ислам и мусульман.

Но речь даже не о религиозных влияниях. Расцвет той культуры, которая получила название «исламской» – по господствующей религии, стала результатом массивного восприятия греко-римского наследия, что приводило к средневековой «европеизации» «исламского» мира. Начиная с IX в. и до конца Средневековья, в интеллектуальный оборот исламского мира было введено *несколько десятков тысяч произведений*, прямо соотносимых с греко-римским интеллектуальным наследием, – переводов практически всех древнегреческих и эллинистических мыслителей, философов, ученых (физиков, алхимиков, географов, астрономов и астрологов, знатоков медицины, экономистов-«домоводов», ботаников, зоологов и т. д.), этиков и политиков; комментариев на них и кратких их изложений, оригинальных сочинений мыслителей-мусульман, подключившихся к рационалистической греко-римской традиции; большое количество апокрифов, приписывавшихся Платону, Аристотелю, практически всем древнегреческим и эллинистическим мыслителям и ученым¹²¹.

Происходила *трансгрессия*¹²² сакрального Текста Откровения – выход за его границы, как бы далеко они ни выставлялись относительно ядра сакрального Текста – Корана. Несколько огрубляя проблему, можно сказать, что интеллектуальная активность средневековых ученых-философов осуществлялась без обращения к сакральному Тексту – как если бы сакральный Текст не существовал. В наследии ряда мыслителей можно не обнаружить вообще ни одного обращения к Корану. Так, нет подобных обращений у Ибн-Бадджи («Авемпасе» средневековых европейских схоластов). У аль-Фараби с его обильным наследием философских, социологических, логических и др. работ (несколько тысяч страниц) обнаруживается всего одна цитата из Корана, приведенная в логико-филологическом трактате. Иные мыслители, например Ибн-Рушд, работали в двух системах интеллектуальных координат, переходя от одной к другой и не смешивая их, то как философы-перипатетики (именно так и известен Ибн-Рушд в Европе), то как исламские мыслители (Ибн-Рушд был авторитетным правоведом-факихом

¹²¹ Расчеты и фактуру см.: Игнатенко А.А. В поисках счастья. Общественно-политические воззрения арабо-исламских философов Средневековья. – М.: Мысль, 1989. – С. 18–24.

¹²² *Трансгрессия* – от лат. *transgressio*, переход за какую-нибудь границу.

маликитского толка, чьи произведения до сих пор в обороте у шариатских судей в Северной Африке; как факих он не мог не обращаться к сакральному Тексту). На своеобразном философско-религиозном «пограничье» располагались такие мыслители, как Ибн-Сина (Авиценна), обильно черпая из греко-римского наследия, они стремились не уходить далеко от сакрального Текста – Корана.

Ситуацию ярко охарактеризовал критик Ибн-Сины и всех философво-мусульман Абу-ль-Баракат Хибату-л-Лах аль-Багдади (ум. в 1151 г.). Называя всех философов (как греко-римских, так и современных ему философво-мусульман) не без иронии, «шиитами Аристотеля» (*ши'ат Аристу*), он обвиняет их в том, что они «эту философию преподнесли как [религиозное] предание, сочинили в ней тексты, такие, как Откровение, которому не возразить, о котором [даже] не поразмышлять»¹²³.

Нерелигиозный (и не имеющий отношения к Откровению) характер философии и философских наук подчеркивался тем, что восточный перипатетизм (аристотелизм с дополнениями из неоплатонизма) существовал на Ближнем и Среднем Востоке в трех «изводах» – среди мусульман (часть их упомянута выше), христиан и иудеев (достаточно в этой связи вспомнить имя восточного перипатетика иудея Маймонида, или Рамбама, 1135–1204). И если исламские восточные перипатетики могли черпать из Богооткровенного Текста, то христиане и иудеи уж совершенно точно не обращались к Корану.

В какой-то точке пространственно-временного континуума (приблизительно с 750 г.) *Коран перестали понимать (даже арабы) целиком адекватно*, и появилось ощущение непонимания, как минимум, некоторых мест или отдельных выражений в их соотношении с остальным текстом Корана. После этого целиком адекватное понимание Текста стало невозможным в первую очередь из-за недоступности широко понимаемого социального и культурного контекста, который оказался безвозвратно утраченным. У Текста появился *новый контекст*. Одна из причин – распространение ислама (и Корана) среди неарабоязычных народов.

Параллельно экстенсификации предпринималась и *интенсификация сакрального Текста* – его «углубление», придание ему нового содержания, новых смыслов.

«Буквальное» понимание, или интерпретация с мнимо нулевым коэффициентом. Самым простым способом интерпретации было «буквальное понимание» – попытка понять и объяснить другим, что же говорится в том или ином аяте Корана. Такой подход к Тексту получил в ряде исламоведческих исследований название «буквальное толкование», «буквальная

¹²³ Абу-ль-Баракат Хибату-л-Лах аль-Багдади. *Китаб аль-му'табар фи-ль-хикма* (Книга извлеченных из мудрости уроков) / Публ.: Сулейман ан-Надави. – Хайдарабад: «Да'ират аль-ма'ариф аль-усманийя», 1350 г. х. Ч. 3. – С. 158). Обращаем внимание читателя на то, что аль-Багдади дает здесь примечательную характеристику Откровения: ему «не возразить», о нем «не поразмышлять», т. е. оно абсолютно и непререкаемо достоверно

интерпретация» (*literal interpretation*)¹²⁴. Но даже подобные выражения – оксюмороны – как раз и демонстрируют невозможность «буквального понимания». Получается так: даже простая попытка отобрать части Богооткровенного Текста (при игнорировании других¹²⁵) и попытка «буквального» их прочтения изменяет смысл сакрального Текста. В Текст «вчитываются» некие смыслы, отличающиеся от первоначально в него заложенных. И всякое «буквальное понимание» оказывается интерпретацией, т. е. переосмыслением Текста с претензией интерпретаторов на то, что они передают буквальный, точный, первоначальный смысл, на самом деле изменяя его.

Попытки буквального, мнимонеинтерпретирующего понимания реализовываются до сих пор в особом жанре литературы – *тафсирах* (ед. ч. *тафсир*). Тафсир – это простейшее, по преимуществу языковое разъяснение современному арабу или арабоязычному читателю Корана смысла непонятных или малопонятных выражений, а таких набирается немало – *от трех-пяти до полутора десятков на каждую страницу Корана*.

Тафсир – это своего рода *перевод* с древнеарабского, на котором говорили арабы в VII в., на современный арабский литературный язык. И именно переводы Корана на другие языки демонстрируют, с одной стороны, невозможность «буквального понимания» Корана, а с другой – то, что предполагаемое «буквальное понимание» Корана есть его интерпретация, т. е. *изменение его смысла*. Проще говоря, переводчик Корана понимает какую-то часть коранического Текста и передает это свое понимание, например, русскоязычной читающей публике. Если бы процесс был прост, то не возникло бы вопиющих разночтений.

Так, в настоящее время среди переводчиков Корана на русский язык идет спор о смысле 127-го аята 3-й суры, имеющего отношение к вопросам радикализма (экстремизма, терроризма). Один смысл: «Может Он (Аллах. – А.И.) [от тел неверных] любую отсекают конечность, повергнуть их и вынудить уйти с позором и крушением надежд». Другой смысл: «[Дарует помощь вам Господь], чтоб часть (фланг) язычников отсечь и нанести удар такой им, чтоб обратились они вспять, надежду потеряв»¹²⁶. И это не самое неясное место в Коране.

¹²⁴ «Ибн Хазм» // Ислам. Энциклопедический словарь. – М., 1991. – С. 87; Статья Тауфика Ибрахима и Артура Сагадеева); *Tritton A.S. The Speech of God // Studia Islamica. 1972. № 36. – С. 12).*

¹²⁵ Аш-Шахрастани указывает на то, что хашвиты буквально понимали выражение «две руки», содержащееся в Коране и относимое к Аллаху. Но они игнорировали содержащееся в Коране и тоже относящееся к Аллаху выражение «руки» (*айдина*, букв. «Наши (т. е. Аллаха) руки» – Коран, 36:71, грамматическая форма слова предполагает более двух рук) или «глаза» (*а'юнуна*, букв. «Наши, т. е. Аллаха, глаза» – Коран, 11:37, 23:27, 52:48, 54:14, грамматическая форма слова предполагает более двух глаз).

¹²⁶ *Михайлов Ю.А. О политической составляющей положения с книгоизданием для российских мусульман // Credo.ru. 01.06.2007 – <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=1763>. Перепечатка на сайте Института религии и политики. <http://i-r-p.ru/page/stream-document/index-13424.html>.*

Метод тафсира может использоваться для заужения или трансформации нормативной базы Корана – изъятия из него тех норм, которые кое-каким современным мусульманам представляются не соответствующими духу времени. Так, в Коране есть аят, в котором предписано бить непокорных жен: «А тех, непокорности которых вы боитесь, увещайте и покидайте их на ложах и ударяйте их. И если они повинятся вам, то не ищите пути против них, – поистине, Аллах возвышен, велик!»¹²⁷. Вообще-то смысл аята ясен и тафсир здесь не требуется. Однако в настоящее время в России проводится кампания, имеющая целью продемонстрировать «высокогуманное учение Корана», «высокие толерантно-гуманистические идеалы» коранического ислама¹²⁸, с чем не вяжется побивание жен за непокорность. Крупнейший российский знаток Корана Тауфик Ибрагим, используя метод тафсира (простого языкового разъяснения смысла коранических выражений), осторожно подтягивает значение слова *дараба* к «покиданию» жён, т. е., по-видимому, к разводу. «...Употребляемый здесь глагол дараба, который традиционно понимается как «бить», достаточно амбивалентен. И в самом Коране, помимо смысла «бить»/«ударить» (2:60, 73; 8:50), он имеет такие значения: «отправляться в путешествие» (2:273; 3:156; 4:101); «возвести [стену и т. п.]» (57:13); «приводить [пример]» (2:26; 13:17); «игнорировать», «не обращать внимания» (43:5); «запечатывать» (18:11); «разъяснять» (13:17) и др. Тогда на каком основании наши (мусульманские. – А.И.) Богословы-мужчины решили, что в аяте 4:34 однозначно подразумевается причинение побоев женам, а не, скажем, покидание оных как крайняя мера?»¹²⁹.

Тауфик Ибрагим, пользуясь методом тафсира, фактически изымает из нормативной базы Корана «аят о мече»: «Убивайте язычников везде, где только их ни встретите» (9:5) и «аят о джизье (подушной подати)» – «Сражайтесь с получившими Писание (т. е. с иудеями и христианами. – А.И.), ...пока не станут платить джизью» (9:29)¹³⁰.

¹²⁷ Коран, 4:34. Это перевод академика И.Ю. Крачковского. Между переводчиками на русский язык расхождений относительно употребленного глагола *дараба* нет. Все они переводят его «ударять», «побивать», «[слегка] ударить». В последнем случае («[слегка] ударить») смягчение рекомендации («слегка») привнесено женщиной – переводчицей Корана на русский язык, русской, принявшей ислам.

¹²⁸ Тауфик Ибрагим. На пути к коранической толерантности. – Нижний Новгород: Издательский дом «Медина», 2007. – С. 6.

¹²⁹ Тауфик Ибрагим. Какой перевод Корана нам нужен? // «Минарет». Нижний Новгород. 2007. № 4. Перепечатка на сайте «Ислам в Российской Федерации». <http://www-islamrf.ru/minaret.php?sid=2156>. Научная добросовестность не позволяет Тауфику Ибрагиму прямо утверждать, что в аяте нет такой нормы – о битье непокорных жен, поэтому он отрицает эту норму в форме вопросительной риторической фигуры, завершающей филологические выкладки о значениях слова *дараба*.

¹³⁰ См.: Там же. Коранические аяты приводятся в переводе Тауфика Ибрагима. См. подробно: Тауфик Ибрагим. На пути к коранической толерантности // Указ. соч. В этой книге осуществляется выведение (теоретическое, концептуальное) из нормативной базы ислама некоранических норм, например, содержащейся в Сунне (Предании) рекомендации: «Убейте того, кто поменяет свою религию» (Там же. – С. 59 и след.); принятое в исламе

Заведомо небуквальное понимание, или интерпретации сакрального Текста. Некоторые места Корана не поддаются «буквальному пониманию», что бы под ним ни подразумевалось и требуют заведомо небуквального понимания, или интерпретации с более или менее высоким коэффициентом. Очень наглядно, с доказательством *ad absurdum* неизбежности интерпретации Корана, этот вопрос, точнее запрос, сформулировал Фахр-ад-Дин ар-Рази (1149–1209). Он рассматривает такие выражения (слова), которые в Коране и Сунне относятся к Аллаху, как, например, «лицо» (*аль-ваджх*), «глаза» (*аль-а'юн*, более двух, о чем свидетельствует грамматическая форма множественного числа при наличии в арабском языке обязательной к употреблению формы двойственного числа, применяемой для двух предметов)¹³¹, «бок» (*аль-джанб*), «руки» (*аль-айди*, более двух, о чем свидетельствует грамматическая форма множественного числа)¹³², «нога» (*ас-сак* – в ед. ч.) и т. п. Из этих элементов он конструирует специфический образ, явно перебирая меру, по-видимому, из лучших побуждений, чтобы остро поставить проблему. «Если бы мы взяли буквальный смысл, то были бы вынуждены утверждать [существование] такого существа: у него одно лицо, на котором множество глаз, один бок, на котором множество рук, у него одна нога. Ты не увидишь в Дольнем Мире более отвратительный образ, чем этот, воображаемый. И я не думаю, что разумный человек согласится так вот описать Аллаха». Приведя еще ряд подобных примеров, Ар-Рази заявляет: «Все, о чем мы сказали, делает обращение к истолкованию неизбежным делом для всякого мыслящего человека»¹³³.

Для обозначения истолкования Ар-Рази употребляет слово *та'виль*, оно является названием определенного метода интерпретации сакрального Текста, при котором его содержание понимается *метафорически*. (Иногда этот метод интерпретации по-русски называют аллегорическим.) Принцип *та'виля* достаточно прост: говорится одно, подразумевается другое. Например, говорится «рука», подразумевается «власть» или «сила», или «поддержка». И в этом *или* уже заложена проблема. Метафорическая интерпретация всегда субъективна. И ее адекватность Божественному замыслу может быть подвергнута вполне обоснованному сомнению и отрицанию¹³⁴.

предписание побивать камнями до смерти прелюбодеев – *раджм* (Там же. – С. 110 и след.) и т. д.

¹³¹ Коран, 11:37; 23:27; 52:48; 54:14; в русских переводах этот аспект скрадывается из-за отсутствия в русском языке двойственного числа.

¹³² Коран, 36:71.

¹³³ Фахр-ад-Дин ар-Рази. *Асас ат-такдис фи ильм аль-калям* (Основа очищения [Аллаха от телесности] в спекулятивной теологии). – Каир: «Матба'а Курдистан аль-ильмийя», 1328 г. х. – С. 98–99; 103.

¹³⁴ Изощенной критике метафорический способ истолкования Корана подверг Ибн-Таймийя, не предлагая сакральный Текст понимать «буквально», а предложив весьма интересную лингвистическую концепцию контекстуального смысла языковых единиц (слов). См.: Игнатенко А.А. Арабский – язык без метафор (Ибн-Таймийя о принципах экспликации коранического Текста) // Восток-Oriens. 1999. № 2. Перепечатка на сайте Института религии и политики. <http://www.i-r-p.ru/page/stream-library/index-2295.html>.

Иджтихад (нормотворчество на основе досконального знания экстенсифицированного сакрального Текста). Главный способ интенсификации экстенсифицированного сакрального Текста (Корана и достоверной Сунны) – это *иджтихад*, выведение из него норм, правил, установлений и суждений по частным и общим нововозникающим вопросам, по проблемам права, морали, вероучения, экономики, политики и т. п. в соответствии с принятыми у профессионалов (*улемов* – религиозных ученых) правилами.

Описание этих правил заняло бы слишком много места: их несколько лет изучают в высших исламских учебных заведениях. Для нас в рамках рассматриваемой темы важны два момента.

Первое: правила иджтихада не заданы Откровением. Они являются результатом рационалистической (и рационализирующей) активности профессионального духовенства и исламских мыслителей на протяжении всей истории ислама. И этот рационализм не аристотелевский. «Логика» иджтихада не формальная логика¹³⁵.

Второе: результаты иджтихада суть некие тексты, которые могут быть классифицированы по различным сферам человеческой жизнедеятельности как правовые, вероучительные, моральные, политические, гигиенические и т. д. и т. п. При этом результаты иджтихада всегда субъективны в том смысле, что являются результатами человеческой интеллектуальной активности, а также крайне диверсифицированы и характеризуются определенной степенью недостоверности. (Достоверность для верующего мусульманина результатов иджтихада определяется его верой в авторитет религиозного ученого, осуществляющего иджтихад.) Известный европейско-американский специалист по исламскому праву Йозеф (Джозеф) Шахт совершенно справедливо отмечал: «Исламский закон есть крайний пример права юристов. Он создавался и развивался независимыми специалистами». Это, кстати сказать, было причиной того, что «исламский закон никогда, ни в какой момент своей эволюции не был единообразным»¹³⁶.

Субъективностью и отсутствием единообразия характеризуются и вероучительные произведения – так называемые «доктрины», «кредо» (*акида*). Всякий уважающий себя суннитский улем считает своим долгом сочинить акиду, а то и несколько, и они различаются по содержанию, хотя, конечно, есть множество совпадающих моментов. Акиды («доктрины», «кредо», «акыды») сочиняются вплоть до настоящего времени¹³⁷ и будут сочиняться в будущем.

¹³⁵ При том, что существует великое множество чисто религиозных сочинений, системно излагающих правила *иджтихада*, есть лишь очень небольшое количество нерелигиозных исследований, описывающих отдельные аспекты генезиса *иджтихада* и его методов и сравнивающих *иджтихад* с «западной» формальной логикой, которая в действительности отличается от исламской «логики» *иджтихада*. См.: Али Сами ан-Наишар. Манахидж аль-бахс инд муфаккири аль-ислам ва-ктишаф аль-манхадж аль-ильми фи-ль-алям аль-ислами (Исследовательские методы у мыслителей ислама и открытие научной методологии в исламском мире). – 4-е изд. – Каир: Дар аль-ма‘ариф, 1978.

¹³⁶ Joseph Schacht. Introduction au droit musulman. – P., 1983. – С. 13, 12.

¹³⁷ См., напр.: Абу Мухаммад Аль-Макдиси: Это наша идеология // Кавказ-Центр. 10 августа 2007 г. <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2007/08/10/52282.shtml>. Словом *идео-*

Исключительно разнообразны и всегда являются «авторскими» *фетвы* – ответы исламских ученых на какие-то вопросы, которые ставят им верующие. Кроме того, они очень многочисленны. Так, собрание одних лишь фетв (без вероучительных и правовых трактатов) Ибн-Таймийи составляет полсотни томов, которые по объему текста превышают Коран не менее чем в пятьдесят раз.

Есть еще буквально невообразимое количество большущих трактатов по разным темам, которые тоже являются результатом *иджтихада*. В качестве единственного из буквально неисчислимого количества примеров можно было бы привести трактат всё того же Ибн-Таймийи «Метод Пророческой Сунны в опровержении речей шиитов-кадаритов» – 9 томов, 4 500 страниц¹³⁸.

Иджтихад профанов (людей, не являющихся профессиональными знатоками ислама). Нельзя не упомянуть о том, что в настоящее время широкое распространение получили попытки нормотворчества на основе сакрального Текста ислама, предпринимаемые профанами¹³⁹ – непрофессионалами от ислама¹⁴⁰. Это могут быть и так называемые «этнические мусульмане», и вовсе немусульмане, объясняющие мусульманам и немусульманам смыслы Корана и мотивирующие ссылками на сакральный Текст мусульман те или иные нормы и начинания¹⁴¹.

* * *

Ситуация в «реальном» исламе, т. е. в таком, каким он сложился к настоящему времени, выглядит следующим образом. Наличествует Богооткровенный сакральный Текст – Коран, в отношении которого у мусульман есть уверенность, что он – «Речь Аллаха» в форме, содержании и объеме, которые посчитал Аллах адекватными для донесения религии ислама до людей. Еще раз повторим: это – Божественный Текст, который принимается верующими мусульманами как *абсолютно достоверный*, т. е. безоговорочно достойный веры.

И, наряду с Богооткровенным Текстом, есть очень большое количество текстов, которые сочинены людьми в течение примерно полутора тысячелетий. Никто никогда не подсчитывал соотношение объемов Богооткровенного Текста и текстов, сочиненных мусульманами, но можно, без особого риска ошибиться, предполагая в качестве минимального соотношение

логия переведено выражение *акида*, стоящее в арабском тексте. Акидой является и указаный в начале данной статьи документ «Аль-Каиды» «Наше кредо и наша программа».

¹³⁸ *Ибн-Таймийя*. Минхадж ас-Сунна ан-Набавийя фи накд калям аш-ши‘а аль-кадарийя (Метод Пророческой Сунны в опровержении речей шиитов-кадаритов): В 9 т. Публ.: Мухаммад Рашад Салим. – Эр-Рияд, 1986.

¹³⁹ Под *профаном* мы, вслед за Ушаковым, понимаем «человека, совершенно несведущего в чем-н., невежда в какой-н. области».

¹⁴⁰ Подробно эта тема рассмотрена в статье: Александр Игнатенко. Ислам в XXI веке: главные направления исследований // «Полития» (специальный номер «Ислам в XXI веке»). 2007. № 4. – С. 11–15. Весь этот номер журнала «Полития» доступен в Сети, на сайте Института религии и политики. <http://i-r-p.ru/page/stream-library/index-19628.html>.

¹⁴¹ Об одном из примеров иджтихада профанов см.: Александр Игнатенко. «Мне Рабинович напел». Опыт рецензии на непрочитанную книгу // «НГ-религии», № 2 (218), 16 января 2008 г. http://religion.ng.ru/printing/2008-01-16/11_koran.html. Перепечатка на сайте Института религии и политики. <http://i-r-p.ru/page/stream-event/index-17659.html>.

1:1 000 000, т. е. сочиненные мусульманами тексты на разных языках самое меньшее в миллион раз превосходят по объему «Речь Аллаха».

Это «человеческое» исламское текстовое наследие характеризуется тремя чертами. Во-первых, ему присущ *нормативный разнобой*. Едва ли не по каждому вопросу вероучения, права, морали, политики между различными течениями, сектами, правовыми школами (*мазхабами*) существуют расхождения – от незначительных до таких, которые превращают некоторые течения в исламе во взаимно враждебные и абсолютно непримиримые, как это имеет место, например, в случае суннитского ваххабизма и шиитского имамаизма.

Во-вторых, это наследие характеризуется *нормативной избыточностью*. Получилось так, что сейчас почти на каждый вопрос есть более одного ответа. Вспомним первый вопрос – о наследовании Пророкам власти в общине мусульман. Появилось (как минимум), три нормы – суннитская (халифом должен быть человек из курейшитов – племени Пророка), шиитская (первым имамом должен был быть зять пророка Али) и хариджитская (повелителем общины может быть любой мусульманин). Есть и четвертая – из области практической политики: халифом становится человек, обладающий реальной силой – представитель либо воинского сословия, либо родо-племенной аристократии. Именно так становились халифами (султанами, эмирами и т. п.) после окончания эпохи «праведных халифов»¹⁴².

В-третьих, «человеческому» исламскому наследию, и это главное, присуща меньшая или бóльшая *недостоверность*. Как сомнительные, ибо они суть человеческие, не Божественные, и посему в отношении них действует презумпция ошибочности, именно как ошибочные могут рассматриваться мусульманами все те нормы, которые наличествуют в постоянно расширяющемся исламском текстовом наследии, сочиняемом людьми. Ошибочные, ибо недостоверные. Недостоверные, ибо человеческие.

Эти обстоятельства эволюции ислама приводят к тому, что в любой момент исторического времени «реальный» ислам – тот, который исповедуют мусульмане, является внутренне плюралистичным и конфликтным. В исламе постоянно идут внутренние споры, которые не могут быть разрешены, ибо сталкиваются различные нормативные положения, сформулированные людьми, которые живут в разных условиях и руководствуются различающимися, нередко противоположными, интересами и целями. А нормы, содержащиеся в Коране, при их абсолютной достоверности для всех мусульман, продолжают быть недостаточными для регулирования всех аспектов их «земной», нерелигиозной жизни...

¹⁴² См.: Александр Игнатенко. Расширенный Ближний Восток: не «возвращение религии», а конфликт секуляризации и клерикализации. Доклад на заседании Дискуссионного клуба «Валдай», Казань, 11 сентября 2007 г. // Сайт Института религии и политики, 24.09.2007. <http://i-r-p.ru/page/stream-trends/index-15760.html>.